

Девочки делают бизнес. Или как открыть свое дело и начать зарабатывать

Автор:

[Екатерина Пигалева](#)

Девочки делают бизнес. Или как открыть свое дело и начать зарабатывать

Екатерина Пигалева

Бизнес. Как это работает в России

Автор книги – молодая предпринимательница с миллионными оборотами, основатель сети студий эпиляции Sweet Epil Екатерина Пигалева. На своем опыте, и не только, она рассказывает принципиально важные вещи, которые помогут каждой девушке стать финансово состоятельной и счастливой бизнесвумен. Прочитав издание, вы сможете: найти свою нишу и придумать собственный интересный проект; собрать правильную команду и стать для нее лучшим лидером; начать зарабатывать и постоянно наращивать обороты и прибыль.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Екатерина Пигалева

Девочки делают бизнес. Или как открыть свое дело и начать зарабатывать

© Пигалева Е., текст, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Девочка шла домой, опустив голову и загребая снег сапогами. Оранжевая шапка съехала набок, а помпон повис увядшим цветком. Сегодня она – Акела, и она промахнулась перед всем классом; зачитывая ее сочинение, учительница смотрела с недоумением, а одноклассники ликовали, что даже отличница может написать глупость.

Но ведь это несправедливо! Она пнула перекошенного оплывшего снеговика, и он рассыпался. «Да, ошибок нет, но сейчас важнее не как, а о чем. Содержание мне не нравится – странно, что отличница выбрала такую профессию», – вспомнились слова учительницы.

«Зато мне нравится», – подумала она, вскинула голову и понесла обиду домой, надеясь, что мама поймет и не будет ругать за тройку.

В квартире так пахло оладьями, что обида ненадолго забылась. Девочка разделась и побежала на кухню, где хлопотала мама, а на сковороде шипели пышные оладьи с румяными боками. Мама повернула голову:

– Как дела в школе?

Вспомнилось, что плохо, и плечи сами собой поникли, голова опустилась.

– За сочинение тройку поставили.

Мама вскинула бровь, отставила сковороду.

– Как же так? Где же ты ошиблась?

– Я не ошиблась. За грамотность у меня пятерка, а тройка за содержание. Тема была «выбор профессии», ей не понравилось, что я выбрала.

– За это нельзя снижать оценки, такая тройка не считается.

Девочке нравилось сочинение, ей хотелось поделиться обидой, пожаловаться на несправедливость, и она принесла тетрадь, раскрыла ее там, где под аккуратным текстом красовался трояк и угловатым почерком были написаны слова, которые не хотелось перечитывать, и протянула маме.

Сев на табурет, мама одной рукой подперла голову, вторую положила на стол рядом с тетрадью. Девочка замерла, глядя на нее, ловя отголоски чувств на ее лице. Брови поползли вверх, на лбу залегла морщинка – неужели и ей не нравится? Но почему?! Хорошо ведь написано, особенно там, где облака, сквозь которые летит самолет, сравниваются с кораллами.

Наконец мама прочла, захлопнула тетрадь небрежно, так она обычно прихлопывала мух.

– Дочь, неужели ты и правда хочешь стать стюардессой?

Учительский тон, внезапно появившийся в голосе мамы, не сулил ничего хорошего. Можно было схитрить, соврать, что это фантазия, но она решила настоять на своем:

– Очень! Мне понравилось летать в самолете, я буду летать по всему миру, видеть разные страны, разных людей...

– Присядь. Согласна, летать – романтично. Но ты будешь не только летать, но и прислуживать пьяным наглым людям. Ты будешь убирать грязную посуду. Тебя будут унижать, а ты должна будешь улыбаться и кивать, как болванчик. Ты не сможешь проявить свой талант, не сможешь достичь чего бы то ни было, это все равно что официант, но в самолете! – Мама покачала головой, раскрыла тетрадь и зачитала: – «Или парикмахером, чтобы делать людей красивыми и радостными». А это еще хуже: тебе придется ковыряться в грязных головах, выслушивать претензии глупых женщин... Ксения, пусть руками работают те, кто не способен мыслить, а ты умная девочка, ты заслуживаешь лучшего.

Ее слова гвоздями заколачивали путь к мечте.

Хорошая девочка должна была согласиться, поплакать и отказаться от мечты, но внутри Ксении словно проснулся чертенок. Она больше не желала быть хорошей. Из рук матери она выхватила тетрадь, сначала хотела разорвать ее, но

передумала, прижала к груди и, преодолевая желание разрыдаться, бросила:

– Все равно буду! Вам назло буду! Сначала стюардессой, а потом парикмахером!

И убежала в свою комнату, чтобы мама не заметила подступившие слезы.

Часть первая

Ксения

ПРЕДЫСТОРИЯ. 2007 ГОД

Вы любите приезжать в район, где прошло ваше детство? Ксения не любила. И не только потому, что во дворе родительского дома совершенно невозможно припарковаться ни днем ни ночью. Но и потому, что каждый поворот, каждое дерево, каждая выбоинка на асфальте напоминала об унылых и безрадостных годах, проведенных в одном из серых спальных районов Москвы. Здесь, в Выхине, среди одноклассников Ксении, благополучной считалась семья, где пил только один из родителей. Большинство детей повторяли их судьбу.

С самого детства Ксения знала, что она сделает все, чтобы уехать из этого района как можно скорее и не иметь ничего общего с его жителями. Едва начав зарабатывать, Ксения сняла наполоам с подружкой крошечную квартирку подальше от ненавистного Выхина. Выхино стало самым страшным ее ночным кошмаром, но вместе с тем вечным двигателем, который заставлял Ксению бежать вперед, учиться, работать с полной отдачей от зари до зари. Когда было сложно и страшно, Ксения задавала себе вопрос: «Ты снова хочешь вернуться в Выхино?», и ответ приходил мгновенно: «Нет! Все что угодно, только не это! Я буду работать где угодно, кем угодно, сколько угодно, только бы мне не пришлось жить в Выхине, только бы моим детям не пришлось ходить в школу, в которую ходила я!»

Приезжая в гости к родителям, Ксения старалась припарковаться у самого подъезда, а если это не удавалось, то бежала к нему, не глядя по сторонам, чтобы не наткнуться на кого-то из старых знакомых.

– Девушка! Эй, девушка! Куда спешим? – прокричал кто-то из толпы гопников, роящихся возле темно-серого старого «Мерседеса». Лучше сделать вид, что оглохла, так безопаснее.

– Ксю!

Не повезло! Придется остановиться и поздороваться!

Гопников было четыре особи, пятая пружинящей походкой, чуть раскинув руки, направилась к ней. Кожаная куртка, спортивные штаны, кроссовки, удлиненная стрижка, непопулярная среди местных люмпенов, огромный выпуклый лоб, в книгах такие лбы обычно у гениев – расхожее заблуждение.

– Виталик, ты, что ли? Извини...

Обнялись. Виталик не сразу догадался забрать у дамы пакет.

– Какими судьбами у нас? К маме? Только не говори, что ко мне. – Он отстранился. – Ты вечером свободна? Если муж насмерть не заревнует, приходи в гости, а? Безо всякого там. – Он поднял руки, будто бы сдаваясь. – Просто посидим, стариной тряхнем. С меня коньячок.

– Я за рулем.

– Да я уж видел... Тачка шикарная! Такая ты леди стала, прям вообще. Ну что, придешь? Или не снизойдешь до старого друга?

– Не паясничай.

Виталик был одним из немногих людей «из прошлой жизни», кого Ксения была искренне рада видеть. Несмотря на всю свою простоватость и некоторую хамоватость, он был одним из лучших собеседников в ее жизни. Когда-то между ними был ни к чему не обязывающий роман, который закончился потому, что

Виталик очень любил женщин. А когда немного выпивал, начинал любить всех без разбора. Судя по глазам Виталика, его предложение потрянуть стариной имело вполне конкретное значение. «Старый конь борозды не портит», – рассудила Ксения. Сегодня ее душа требовала праздника. Собственно, почему бы и нет? Если она «заночует у мамы», муж лишь пожмет плечами и скажет: «Хорошего вечера», его не особо волновало, где она и с кем – «чем бы жена ни тешилась, лишь бы не вешалась».

– Давай так, до шести вечера я поздравляю маму с Восьмым марта, а полседьмого буду у тебя.

– Здорово!

* * *

В однушке Виталика за пять лет не изменилось ничего. Переступаешь порог – и вот она, юность, смеется из того самого зеркала, присаживается на тот же диван, берет бокал. Глоток коньяка – и из-под толщи лет поднимается то самое светлое ощущение, и кажется, что и ты не изменилась, и трава зеленее, и деревья выше. Присматриваешься – но нет, диван просел, скрипят пружины, стул другой, в ванной чужой гель для душа и женская, о боже, бритва. И спаниель Кан не летит навстречу. И понимаешь, что нет, все по-прежнему, но не так, и ты существуешь будто бы в двух параллельных мирах.

После первого бокала коньяка Ксения почувствовала, как приятное тепло разливается по ее телу, доходя до самых пальцев и лица, заставляя глаза блестеть, щеки розоветь, а губы расплываться в улыбке. После второго бокала темы для разговора, опережая друг друга, заполнили собой все пространство. А потом... Случается, когда два, три человека или целая компания «ловит волну». Кто бы что ни сказал, это кажется смешным настолько, что от смеха мышцы сводит судорогой, болят щеки, и кажется, будто сотрясающиеся от хохота тела способны спровоцировать землетрясение. Если записать разговор и прослушать его потом, магия рассеется. Глупость какая, они там накурились, что ли?

– Вот признайся, об этом ты мечтала? Добиться, да? Крутая тачка, все дела. «Ожидайте, вас примет директор по персоналу Ксения Сергеевна». Кстати, какая у тебя фамилия?

– Резникова.

– Директор Ксения Сергеевна Резникова.

Слово «директор» Виталик говорил с придыханием, вкладывал в него все благоговение, на какое был способен, а поскольку способен не был вообще, звучало смешно.

– Еще в садике узнала, что есть такой директор по персоналу, – сыронизировала Ксения. – Это что-то между богом и президентом, очень крутой чувак. Зарабатывает две тыщи долларов и ездит на «Мерседесе». Ну и вот.

– Да, представляю. Идешь такая с косичками в садик... – Он вытянул шею и пропищал мультяшным голосом: – «Мама, я хочу быть директором по персоналу».

– Я, между прочим, стюардессой мечтала стать, а толку!

Глаза Виталика заблестели, он вскочил, хлопнул себя по лбу:

– Да ладно! Представь, ты такая, в синей пилотке. – Он убежал в комнату, захохотал там. – Представь, идешь между рядами: «Чай, кофе, потанцуем».

Виляя задницей, он одной рукой толкал перед собой стул, второй изображал синюю пилотку, что больше походило на петушиный гребень. От смеха его складывало пополам, он топал ногами, а Ксения вдруг словно протрезвела. Пары коньяка улетучились вместе с беззаботностью и весельем. Она смотрела на Виталика, опершись о дверной проем, и не понимала – что тут смешного?

Все глумятся над ее мечтой, а когда смеются над твоей мечтой – это всегда не смешно, скорее больно. Все равно что ковыряться в открытой ране.

Утром по дороге в офис Ксения выключила радио. В ее ушах, словно эхо, звучали слова: «Об этом ты мечтала? Директор по персоналу».

Офис, кресло, четыре стены. Машина, норковая шуба, курорты два раза в год и десятилетия, проведенные не в радость. Можно ли их оправдать деньгами? За

сколько ты продала свою мечту, Ксю?

И вот тебе сорок, ты вся из себя начальница, подтянутая и холеная, выглядываешь в окно, а там в небе – самолет. И вдруг тебя осеняет, что это не просто самолет, это твои мечты улетели, оставив белый тающий след. «И качнутся в шкафу бесконечные пиджаки».

«Не будет этого», – решила Ксения окончательно и бесповоротно, заруливая на VIP-парковку бизнес-центра.

* * *

Чаще всего Ксении приходилось слушать, «какая же невкусная в самолете еда, такая невкусная, будто жуешь кусок мамонта из вечной мерзлоты. Все невкусное, налейте мне еще томатный сок!»

Это потому, что небо меняет людей, в прямом и переносном смысле. Из-за пониженного давления вкусовые рецепторы становятся менее чувствительными, и только томатный сок остается прежним, мало того, он обретает странную власть над человеком. Вполне приличные и интеллигентные с виду люди требуют налить им по два стакана, а если вдруг томатный сок закончится раньше, устраивают истерику с угрозами и проклятиями. Достается всем: стюардессе, пилотам, руководству авиакомпании, российскому правительству и лично президенту за то, что допустил такую безответственность на борту самолета гражданской авиации.

На курсах бортпроводников Ксения отучилась три месяца, успешно прошла стажировку, и ей открылся новый мир во всем его разнообразии. Очень часто, воплощаясь, мечты теряют крылья, но Ксения ни разу не пожалела, что променяла офисное кресло на полеты. Хотя от коллег иногда приходилось слышать разное.

– Ой, я так устала таскать подносы, когда ж это закончится... Что за жизнь собачья...

– Да какие подносы, когда у тебя за окном небо?

Не портили настроение даже рейсы в Анталию с обязательными пьяными быдловатыми пассажирами. На этих рейсах Ксения узнала, что выпивший мужчина не так омерзителен, как визгливо быкующая баба: «Девушкааа, мы за эту путевку пятьсот долларов заплатили! Пятьсот долларов, понимаете? Это больше, чем ваша зарплата! И мы имеем право получить наш томатный сок! У нас все включено».

За год Ксения побывала в Доминикане, на Бали и Кубе, в Маниле и Рио, на Камчатке и во Владивостоке. Она искренне любила свою работу и была счастлива, несмотря на то, что сильно потеряла в деньгах. Но выход есть всегда. Сперва она выучилась на визажиста, затем на мастера эпиляции, а в свободное от полетов время принимала клиентов на дому, порой зарабатывая на этом больше, чем на основной работе. «Хочешь жить – умей вертеться», – повторяла себе Ксения, когда, придя домой после ночного рейса, переодевалась не в пижаму, а в белоснежный костюм косметолога.

Оля

ПРЕДЫСТОРИЯ

Актовый зал поликлиники гудел встревоженным ульем. Прибывшие сотрудники рассаживались, обмениваясь предположениями, почему их неожиданно собрали. В наэлектризованном воздухе витало такое напряжение, что у вошедшей в зал Оли закружилась голова, казалось, что вот-вот молния ударит в трибуну, такую старую, что место, где обычно красовался герб, занимало изображение Ленина.

Свободные места остались только в серединах рядов, пробираться туда в Олином положении было сложно, и она завертела головой – вдруг есть что поближе. В самом начале зала, в третьем ряду встала Наташа, замахала рукой:

– Ольга Леонидовна! Идите к нам, я держу вам место!

Наташа очень напоминала сову: круглолицая, с носом-пуговкой и огромными глазами в обрамлении длинных изогнутых ресниц. Она только после медучилища и всего на четыре года младше Оли, но соблюдает субординацию.

Здесь так принято. Сорокалетняя Лена из прививочного кабинета – и та обращается на «вы». Оля прошла к Наташе, откинула стул и устроилась с краю.

– Напоминает колонию пингвинов-альбиносов, – наклонившись, прошептала Наташа.

И правда – все в белом, вытянулись, замерли, словно завидев плавник косатки. Появилась главврач Людмила Федоровна, и волна шепота прокатилась по рядам. Неторопливо, по-утиному переваливаясь с ноги на ногу, она понесла грузное тело к трибуне, определила себя на место. Фигурой Людмила Федоровна напоминала грушу хвостиком кверху. Очень широкую грушу. С очень маленьким хвостиком. Верх трибуны находился на уровне ее груди, и если б не выпирающие бока, можно было бы подумать, что бюст стоит на трибуне.

Народ безмолвствовал. Главврач тоже. Тут распахнулась дверь, и в актовый зал влетела старшая медсестра Альбина Михайловна.

Медсестра Наташа появилась в поликлинике на месяц позже Оли, ей было всего восемнадцать – одаренный ребенок, она раньше окончила школу; двух новеньких посадили в один кабинет, и они отлично поладили. Ребятства своего девушка не стеснялась, напротив, выставляла его напоказ. Не прошло и недели, как самые яркие сотрудники получили намертво прилипшие прозвища. Людмилу Федоровну все стали величать бранным словом на букву Ж, старшую медсестру Наташа прозвала тетей Ахтунг. «Потому что на фашиста похожа». Уборщица с дислексией – Шурум-бурум, заведующий поликлиникой, оторванный от реальности, – Космос.

Альбина Михайловна и правда походила на фашиста – не столько бескровным лицом с ниткой рта и квадратным подбородком, сколько манерой ходить, чеканя шаг, и выкрикивать приказы. С медсестрами и санитарками она обращалась, как со скотом.

Главврач постучала ручкой по трибуне, хотя и без того было тихо.

– Здравствуйте, дорогие коллеги, – проговорила она таким тоном, словно ей очень не хотелось тут стоять и лицезреть презренных смертных. – Сразу скажу, что причина, по которой мы здесь, не радостная. Мы переживаем не самые лучшие времена, стоит вопрос о закрытии отделений гастроэнтерологии и

терапии. Нам нужно отвоевать их, а поскольку средств на содержание выделено мало, я вас прошу... Очень прошу, – она обвела взглядом актовый зал, словно жнец – поле, примеряясь, как будет срезать колоски, – отнестись с пониманием к нашей проблеме и, если вас попросят, временно написать заявление на полставки или за свой счет. Эта временная мера коснется среднего и младшего медицинского персонала...

Она говорила, как тяжело отстаивать отделение, как, не жалея себя, она прикрывает несчастных больных, которых собираются выгнать на улицу. Все отлично понимали, что маленькую больницу на окраине просто переподчинят, это никому и ничем не грозит, а уж тем более – работникам поликлиники. Возникшие проблемы – личная боль Людмилы Федоровны, которую она решила милостиво распределить между подчиненными.

Закончив, она уступила место Альбине Михайловне по прозвищу Ахтунг. Наташа заерзала на стуле, подтянулась, сжала челюсти. Ее тонкие пальцы помимо воли крутили пуговицу на халате.

– Буду краткой, – проговорила старшая сестра, локтем опершись на трибуну. – И хочу напомнить, что мы здесь все работаем за деньги. Мало того, мы все делаем общее дело. Вы можете меня ненавидеть. Отворачиваться при встрече. Ваше право. Но на работе вы обязаны исполнять распоряжения. Уяснили? Храмцова, я к тебе обращаюсь.

Наташа вскинула голову. Покатилась по полу оторванная пуговица.

– Вчера некому было сопровождать анализы в лабораторию. Наталья Храмцова отказалась это делать. – Альбина вперилась в Наташу, стараясь испепелить ее взглядом. – Попрошу объяснить причину отказа.

У Наташи задрожали уголки рта. Оля думала, она готова расплакаться, и глаза вон блестят, но ошиблась: ее медсестра дрожала от злости.

– Это не входит в обязанности участковой медсестры, – проговорила она, не вставая. – Вы не имеете права в приказном порядке принуждать подчиненных исполнять чужие обязанности бесплатно, это уголовно наказуемо.

Узкие глаза старшей полезли на лоб, обвислая кожа щек, изборожденная морщинами, затрепетала:

– Знай свое место. За что мы вам деньги платим?..

– За выполнение прописанных в договоре обязанностей...

Альбину понесло, она сыпала угрозами и оскорблениями, как злой сержант в американском фильме: «Упал-отжался, ничтожество! Я теперь ваш отец и мать! Слушай мою команду». Казалось, еще немного, и она велит всыпать Наташе розог. Хотелось закрыть лицо и заткнуть уши, развидеть и расслышать это.

Толкнулся ребенок, и Оля положила руки на живот. Какое счастье, что скоро в декрет! Три года не участвовать в этом балагане! Наташа продолжала сидеть, в ее руке Оля заметила мобильный телефон – она записывала оскорбления и угрозы, пока старшая словесно извергалась. Встала Наташа только, когда Альбина велела ей писать заявление на увольнение по собственному желанию, потому что «все равно работать ты здесь не будешь».

Если бы кто-то так обошелся с Олей, она выбежала бы в слезах, но Наташа повела себя так, как подобает поколению «молодому, наглому и невоспитанному»:

– Позвольте-ка. Это когда лично вы платили мне деньги? Государство – да. Я не на фазенду к вам устраивалась, а в государственное учреждение. Вы только что угрожали мне увольнением, что является превышением должностных полномочий. Потом вы будете угрожать остальным, чтоб они написали заявления за свой счет при том, что ваш муж так и продолжит работать на две ставки, как и всевозможные родственники заинтересованных лиц. Пожалуй, я напишу заявление. В прокуратуру. – Она расстегнула пуговицы, бросила халат на стул и зашагала к выходу, где, распахнув дверь, подняла руку с телефоном. – А вы все продолжайте сидеть и молчать! Счастливо оставаться!

Наташа ушла, наверное, навсегда, оставив едкие прозвища тем, кто их заслужил, и ликование в кроткой Олиной душе.

Зал взволнованно загудел. Оля распереживалась за Наташу, и ребенок устроил танцы в животе. Очень не хотелось расставаться с Наташкой, с ней весело, она

головастая и рукастая, но здесь таким не рады. Плыви по течению, будь серым, не высывайся, тогда выживешь. Оля поймала себя на мысли, что жалеет о Наташке еще и потому, что и ей, Оле, здесь точно так же не рады. Смолкают, когда она заходит, никуда с собой не зовут, иногда даже не здороваются, с днем рождения вот не поздравили.

Красная от злости Альбина орала в зал, какая Наташка неблагодарная, в зале царило нездоровое оживление – бессловесный народ радовался. Чем больше ярилась Альбина, тем шире расцветали улыбки.

Когда Альбина выпустила пар, оказалось, что есть еще одна проштрафившаяся – медсестра Леся, которая чуть не угробила бабушку, перепутав дозировку сердечных гликозидов. Будь бабка послабее, умерла бы во время инъекции. Лесину провинность посчитали не такой фатальной, потому что ее мама работает начальником интересного главврачу учреждения, и решили перевести ее на освободившуюся вакансию массажиста. «Лесенька, ты ж учишься на реабилитолога?»

Нервничая, Оля почти сгрызла ноготь. Скоро родится малыш, если у него, как у многих младенцев, будут проблемы с мышечным тонусом, он получит направление на массаж к такой вот Лесе, которая не понимает разницу между двумя и ноль двумя миллилитрами. Впервые Оля обрадовалась тому, что закончила мед – во-первых, никто не загубит членов ее семьи, а во-вторых, можно выучиться на массаж, чтоб самой массировать ребенка. И, может быть, детей своих знакомых. Дать объявление на форуме для мамочек. А потом, может быть, и антицеллюлитный массаж освоить. И никогда больше не возвращаться в ненавистную поликлинику. Когда придет время выходить из декрета, устроиться куда-нибудь в салон или фитнес-клуб...

Только маму жалко. Она четыре года копила на то, чтобы пристроить дочь в медуниверситет. Оля отговаривала ее, уверяла, что поступит самостоятельно, но мама была непреклонной: «В тебе, Оленька, я не сомневаюсь, но везде такая коррупция!» В итоге Оля оказалась в престижном меде и даже некоторое время радовалась маминому достижению. «Некоторое время» – до первого похода в анатомичку, где происходило вскрытие толстой бабки-сердечницы.

Оля мужественно стояла в первых рядах и заставляла себя смотреть, как патологоанатом орудует пилой. Сперва в горле сделалось горячо, бросило в пот, затошнило. Когда организм понял, что хозяйка игнорирует его требования

прекратить издевательства, то начал прерывисто выключать сознание.

«Если упаду, засмеют», – подумала Оля и велела себе держаться, вышла по стеночке на улицу и долго стояла, ухватившись за дерево, хотя перед глазами было черным-черно. Сколько она ни водила себя в морг, сколько ни смотрела на трупы, реакция была одна: как только нарушалась целостность человеческого тела, живого, мертвого – без разницы, ее начинало выключать. Досадная особенность закрыла одаренной студентке путь в хирургию и гинекологию, и Оля стала терапевтом.

Но даже тогда, в морге, она не чувствовала себя не на своем месте так, как сейчас. Сейчас Оля не просто догадывалась, а ощущала каждой клеточкой тела, что если останется в этом дурдоме еще хотя бы на год, то будет уничтожена и просто сгниет заживо. Переход в другое медучреждение ничего не изменит, потому что везде одно и то же.

Она ухватилась за мысль о массажных курсах, как тонущий в болоте за ивовую ветку.

Алена

ПРЕДЫСТОРИЯ

Сегодня приезжает Настя! Девочка-находчивость, девочка-праздник!

Три дня вместо отпросившейся Алены в кафе «Солоха» будет работать Юленька, здоровья ей, денежных клиентов и хороших чаевых! Три благословенных дня свободы, прогулок, ночных купаний и танцев до упаду! Что будет потом – важно, но не важнее, чем Настин приезд!

Прошлом лето они вместе бегали официантками и делили тяготы сезонной работы: ютились в лачуге на окраине, держали оборону от набегающих пауков и кавалеров, веселились в нерабочее время и иногда отдыхали. Весной Настя завела богатого любовника и сменила образ пай-девочки на имидж роковой женщины, Алене же пришлось покорять Сочи в одиночку, благо это ее третий

сезон, и она знала нюансы. Каждый раз, когда в поисках себя Настя перевоплощалась, Алена вспоминала гумилевское: «Только змеи сбрасывают кожи... Мы меняем души, не тела». В новом амплуа Настю она еще не видела.

Планировалось несколько дней провести вдвоем, а ночью третьего дня приезжал Настин ухажер. Он привык жить красиво и на пессию не скупился. По его просьбе Алена подыскала номер в центре города недалеко от моря.

Если бы встречу устраивала Алена, а расходы оплачивались из ее бюджета, все было бы скромно, ехали бы на маршрутках. Но поскольку спонсировал любовник, то Настя возжелала такси, и чтоб Алена ехала прямо из дома – из Верхнего Юрта, с улицы Абовяна.

Забирать Настю следовало из аэропорта.

Рейс задерживался. Алена отпустила таксиста и отправилась в туалет в здании аэровокзала, где ей бывать не доводилось, потому что летать дорого, гораздо дешевле ехать на поезде, а еще лучше – на попутках, в этом году получилось вообще даром.

С ревом над головой пролетел самолет, и Алена невольно пригнулась. Запрокинув голову, она проводила глазами стальной корпус, позолоченный закатным солнцем.

В гулком помещении сновали отдыхающие – одиночки, пары, компании, семьи. Вот две девушки и парень, скинув огромные рюкзаки, склонились над картой. Вот молодая мама пытается утешить всхлипывающего малыша. Сразу видно, что загорелые и медленные, с сумками, набитыми сувенирами и вином, в характерных фуражках с якорями, едут домой, а бледные, грохоча чемоданами, спешат к солнцу. Мама говорила, что похолодало, в Туле опять дожди, а здесь тучи собираются только над горами и к морю не спускаются.

Алена ощущала себя девочкой из маршрутки и гнала мысли о том, что все видят самозванца из другого мира, но мысли эти возвращались. Казалось, что босоножки ЕССО кричат, что они из секунд-хенда, и сумка тоже, а сарафан куплен прошлой осенью на распродаже.

Назло то ли себе, то ли этому дурацкому ощущению Алена медленно прохаживалась вдоль окон и витрин, рассматривала свое отражение и убеждала себя, что она – красотка, у нее есть вкус и умение так комбинировать дешевые вещи, чтоб они смотрелись элегантно. Природа наградила ее длинными ногами, сильными волосами темно-каштанового цвета с медным отливом, который не хотелось менять. Волосы не секлись и не выгорали, без проблем дорастали до ягодич.

Когда Алена покинула аэровокзал, ей позвонила Настя.

Она ждала Алену возле выхода и выделялась из толпы белыми вязаными сапожками и кружевным белым зонтиком, контрастирующими с коротким черным платьем. Но что бы Настя ни надела, вещи ей не шли. Точнее, любая одежда выглядела на ней неестественно, Настя гораздо гармоничнее смотрелась бы голой. Даже посреди города, но лучше – посреди цветущего луга, окруженного березами. На голове – веночек из васильков, отчего лучистые, чуть прищуренные глаза кажутся синими. Медные локоны змеятся по пышной груди. Не фея и не наяда – мать богов, первобытная жаркая мощь женского начала.

Наверное, именно неестественность одежды на Насте вызывала у мужчин непреодолимое желание раздеть ее, тем самым восстановив гармонию. Это желание лишало их рассудка и доводило до греха, хотя Настя не вписывалась в современные каноны красоты. Вот и сейчас возле нее ронял слюну толстый грузин.

Алена подошла к Насте:

– Привет!

Настя обернулась, встала на цыпочки и, не выпуская зонтика, заключила Алену в объятия.

– Здравствуй, моя девочка! Я скучала! Цем тебе! И вот еще цем! – Она поцеловала ее в обе щеки.

Отстранившись, она театрально потупилась.

– Как я тебе?

Летом Настя выбирала пестрые сарафаны, декольтированные туники, оборочки и рюши, подчеркивающие округлость форм. Никто с первого взгляда не замечал в простоватой девчонке недюжинный ум (как ни школьная олимпиада – так призовое место). Впрочем, со второго тоже мало кто замечал – она умела прикидываться дурочкой. Нынешний ее имидж отчасти оправдывал понятие «дорогая женщина».

– Красотка. Необычно! Мужик вон слюной захлебывается. Пошли, пока не довели его до гибели.

Настя приблизила лицо к Алениному и замахала ресницами, словно пыталась взлететь.

– А где такси? – Она опять потупилась, Алена оставила без внимания странность ее поведения.

– Отпустила машину, я тебя полчаса ждала. Сейчас вызову.

Грузин среагировал на слово «такси», спикировал ястребом и заголосил:

– Девушки-красавицы, такси недорого, ждать не нада! Вон стоит ласточка!

Пыхтя и потея, он попытался схватить Настю, она увернулась и выставила перед собой зонтик.

– Подите прочь! Вместе со своей ласточкой! – злобно бросила Алена.

Парадоксально, но «подите прочь» работало куда эффективнее трехбуквенного указания направления и никогда не вызывало ответной агрессии. Идешь по родной Морозовке мимо компании, сидящей на корточках под магазином, они тебе – какую-нибудь гадость, а ты им с достоинством: «Подите прочь». Пока до них дойдет, что произошло, они уже забудут, кто их послал.

Такси подъехало, и Настя с Аленой устроились на заднем сиденье старенькой, но бодрой «Волги». Настя спросила:

– Как работается?

– Не поверишь! Лучше, чем в прошлом году.

– В этой... эээ...

– Я ж говорю, не поверишь. Не бывает такого, чтоб в «Солохе» после двенадцати остались места. Разве что один раз, во время грозы.

– Она ж для стариков... У тебя голова еще не взорвалась? Ты же так «любишь» русскую попу!

– Абстрагируюсь. А что делать? Денег-то хочется. Я даже рада, что меня в «Бордо» не взяли, там сплошной контроль. В «Солохе» средний чек такой же, всегда чаевые, и за левый чай-кофе никто не гоняет, да и вообще не особо следят.

– Просто дают заработать. – Глаза Насти блеснули. – Здорово мы в прошлом году отдыхали, да?

– Зато ты теперь по куршавелям разъезжаешь.

– Тоска, если честно. Знаешь что? – Она вцепилась в Аленину руку, блаженно закрыла глаза. – Он мне машину обещал! Прикинь!

– Угу.

Алена бы так не смогла. Спать-то приходится не с машиной, а с питекантропом из девяностых, притворяться, мурчать. Нормальный мужчина не станет дарить машину за секс, платить за любовь – удел неполноценных. Насте хорошо, у нее бешеный темперамент, и, наверное, это приглушает отвращение.

А ей, Алене, из-за чистоплюйства так и придется всю жизнь одеваться в секунде и снимать углы с мышами и пауками. Предлагал же в прошлом году состоятельный армянин содержание. И не страшный армянин, даже на итальянца похож, если не обращать внимание на золотые зубы, а тебе все «фу».

Какое у тебя будущее? Никакого. Образование – никакое, неоконченный педуниверситет. Красный диплом, на который ты рассчитываешь, интересен разве что рамочке и стене. Английский – ноль, воспитания – ноль, связей – ноль, эрудированность – что по верхам схватила, то и твое. Даже комнаты своей нет! И не светит, если учитывать, какая зарплата у учителя биологии. Родственников богатых нет, друзей со связями тоже нет. Только амбиции, ничем не подкрепленные. Никто ты, Алена Петрова, одна из миллионов Лен, даже имя у тебя – самое распространенное из женских.

Так тоскливо стало от этих мыслей, что хоть волком вой прямо в машине. Ощущение, словно в душе, где солнечно и ясно, каракатица выпустила чернильное пятно. И ведь ничего не случилось, никто не нахамил, ничего не украли, не выяснилось внезапно, что поправилась на три килограмма.

Вежливый немногословный водитель помог донести чемоданы до гостиницы, благодарно принял чаевые и раскланялся. Чемодан катила Настя, а Алена несла ее сумочку – тряпичную, белую, с черной мордой кота и глазами-стекляшками.

Настя почувствовала скачок настроения Алены и молча распаковывала чемодан, Алена к тому моменту открыла бутылку шардоне, порезала заранее купленный сыр и пригласила Настю к столу. Та уселась, закинув ногу за ногу; опершись о стол локтями, подалась вперед и опять заморгала так, что задребезжали бокалы.

– Посмотри на меня внимательно! Неужели не заметно?

На зрение Алена никогда не жаловалась и впиалась взглядом в лицо подруги, пытаюсь понять, что же нужно заметить. Волосы еще больше отросли, но не сказать, чтобы уж очень сильно, те же голубые чуть раскосые глаза, стайка веснушек на носу, губки бантиком. Из платья норвила выскочить Настина Грудь. Именно так – с большой буквы. Предмет зависти дев с «нулевкой» и объект вожделения мальчиков, парней, мужчин и дедушек.

– Извини, но нет.

– Реснички же! – Настя кокетливо прикрыла глаза. – Я сделала себе реснички!

– Ой, и правда! Здорово! Как родные!

Раньше Алена не видела настолько качественных наращенных ресниц, обычно они смотрелись неестественно и делали глаза похожими на мохнатых черных пауков.

– Три тысячи стоят, – виновато сказала Настя. – Он оплатил. За такие деньги я воробья в поле до смерти загоняю!

– У нас в Туле делала?

– Да прям! В Москве! У супер-пупер мастера, за две недели записалась, раньше не было свободного времени.

Алена почуяла деньги и сделала стойку, как охотничий пес на дичь.

– Сколько ты за них заплатила? И сколько по времени длилась процедура?

Она склонилась над сидящей Настей, осторожно подергала реснички – они вели себя как натуральные. Удивительно. Подруга улыбнулась и сказала:

– Давай выучимся на реснички и откроем кабинет? – Она распахнула глаза. – Их нужно каждый месяц корректировать – приходиться, чтобы мастер их поправлял, иначе отвалятся. К нам будут постоянно ходить с деньгами! Представляешь? Не нужно вести уроки, бегать с подносами...

– Очень хорошо представляю...

Алена в задумчивости принялась мерить комнату шагами. Черное облако в ее душе начало рассеиваться. Когда все подруги мечтали о состоятельном женихе, таком, что, выйдя замуж, можно не работать, у Алены были другие мечты: собственная маленькая квартирка, и чтобы там – никого. Хочешь ходить голой – ходи, не хочешь сегодня мыть пол – помой завтра, а главное, никто оттуда не выгонит, даже если закончатся деньги, даже если у мамы появится новый муж.

Раньше она думала, что готова на все ради собственного жилья, потом оказалось, что она набита комплексами и предрассудками: это некрасиво, это неэтично, это фууу.

Сейчас мечта стала материальной и проступила сквозь туман иллюзий.

Процедура длится два часа и стоит три тысячи рублей. Если в день работать стандартные восемь часов, то можно заработать двенадцать тысяч! В Туле Алене пришлось бы ради этих денег проработать учительницей биологии не меньше двух недель, здесь официанткой столько зарабатывается за неделю. А ведь реально работать не по восемь часов, а по двенадцать, Алена сможет, она сильная. И если вкалывать без выходных, то в месяц выйдет пятьсот сорок тысяч! Алена перепроверила на калькуляторе. Да ну, так не бывает! Пол-ляма на ресничках! О'кей, пусть сколько-то стоят материалы. Интересно, кстати, сколько? Да пусть даже и половину, двести семьдесят тысяч остается!

Алена опустилась на диван, взяла бутылку, да чуть не уронила – так разволновалась, что руки перестали слушаться. Справившись с задачей, она подняла бокал, где, преломляя солнечные лучи, золотилось вино.

– Настена! Я так рада, что ты у меня есть! Мой замечательный человек и маленький гений!

Она не преувеличивала: в Настину голову приходили гениальные идеи, но ее живой пытливый ум слишком напоминал белку, метался от ореха к ореху и ни одну задумку не доводил до конца. Возможно, она и правда запишется на курсы, не исключено, что даже окончит их, вопрос – будет ли работать? В их дружеском дуэте Моцартом точно была Настя, Алена довольствовалась ролью усидчивого ремесленника.

– Давай! За дальнейшее развитие этой идеи! Я даже выпью пару глотков!

Настя повращала бокал, понюхала его содержимое, как это делают профессиональные сомелье, и лишь потом пригубила.

– Неплохое вино. Но я выпила бы коньяка, чтоб сразу был эффект... Но ты ж не пьешь, у тебя ж на алкоголь... Как это называется?

Алена подозревала в неприятии себя пьяной идиосинкразию [1 - Генетически обусловленная реакция, возникающая у некоторых людей в ответ на определенные неспецифические (в отличие от аллергии) раздражители.], но на сто процентов уверена не была. В ее семью алкоголь принес так много боли, что

организм пытался от него защититься всеми возможными способами. Она могла сделать несколько глотков вина, но от крепкого сразу поднималась температура, ее рвало, трясло, она задыхалась, чесалась и думала, что умирает.

– Мне просто становится плохо. Ну так что, когда пойдем на курсы?

Зазвенели бокалы. Алена подошла к окну, отодвинула занавеску. Небольшой бассейн с цветущими лотосами окружали деревянные скамейки, разделенные живой изгородью из самшита. От бассейна радиально, в форме солнечных лучей, расходилась плитка: луч кирпичный, луч серый, луч коричневый.

Не сравнить с лоскутным бетоном во дворе, где Алена у старой армянки снимала хижину. Стоило только представить, что надо туда возвращаться...

«Нет. Я отказываюсь жить в нищете, слышите там? – Алена запрокинула голову к небу, куда принято помещать дружественные человеку сверхъестественные силы. – Я сделаю все, чтобы жить по-человечески, не ходить в обносках, не готовить супы из куриных задков. У меня будет квартира, своя собственная квартира, и никто меня оттуда не выгонит. Клянусь».

Глава 1

Ксения

2009 ГОД

В полудрему ворвался звонкий, как пощечина, Юлькин голос:

– Ксю, не засыпай, говори со мной. Иначе я засну за рулем, и всем будет плохо! – Одной рукой она держала руль, другой щелкала кнопками замолчавшей магнитолы.

Ксения встrepенулась. Усталость берет свое, да и дорога гипнотизирует пунктиром разделительной полосы, влечет вдаль и вдаль, от мыслей и проблем, вдоль темной стены сосен, мимо серых столбов и деревянных домиков...

Водителю еще сложнее.

Юлька от природы русая, крашенная в брюнетку, но за рулем в ней просыпается блондинка. Слава богу, не всегда просыпается, а только когда Юля напугана, потому нужно уберечь ее от стрессов, ведь она проехала на своем «Крайслере Вояджере» уже пятьсот километров. Лучший способ не дать водителю заснуть – вовлечь его в эмоциональную беседу.

– Не сплю я, просто задумалась о том, какой к тебе применить этнохороним.

– Что? – теперь встрепенулась Юлька, подобралась, глядя на дорогу. – Где, кого хороним?

– Ну как называть жительницу Набережных Челнов. Набережная членинка? Ой, простите, челновка... челночка... Извини, только гадость в голову лезет.

– А я вот знаю, но не скажу. Мучайся... Ты, зануда, теперь себя сожрешь! А интернета-то и нет!

Если и было в русском языке какое-то правило образования этнохоронимов, то Ксения его не знала. Однако то ли с рождения, то ли родителями в нее было заложено чувство гармонии, некое языковое чутье, и она без труда улавливала закономерности. Что касается жителей города, куда лежал путь к Юлиным родителям, то они либо челнинцы, либо челновчане. Но скорее челнинцы.

Ксения поделилась предположением, на что Юлька лишь злорадно улыбнулась. И то хорошо – взбодрилась, не засыпает.

– Юль, давай переночуем в Чебоксарах? Я верю, что ты можешь проехать пятьсот км за день, но не в этот раз, хорошо? Мы два часа потеряли в пробке, а час на МКАДе равен пяти часам на загородной трассе. Считай, ты двадцать четыре часа за рулем. Ну?

– Да что тут осталось? Дороги, смотри, пустые... Если сравнивать с Москвой.

На протяжении почти всего пути сёла боролись с подступающим лесом за право приблизиться к дороге. Пять минут назад к ней темной стеной подступал лес, а

теперь он за перепаханым полем щетинится копиями верхушек, минута – и трассу от него отделяет дачный поселок с разноцветными крышами. Жаль, что он безымянный, у здешних населенных пунктов забавные названия. Ксения всмотрелась в приближающийся указатель. Что у нас там? О боже...

– Налево не поворачивай, – сдерживая смех, посоветовала Ксения. – Там – Лесные Хачики.

– Не поняла...

От мысли о том, что Юлька игнорирует знаки, стало совсем не смешно. А может, как почти все чайники (все-таки два года – небольшой водительский стаж), она не видит ничего, кроме обочины и дороги в радиусе двадцати метров. Проверять степень Юлькиной чайниковости Ксения не стала, она определила другую цель – уложить подругу спать, потому что внимание ее на нуле. Стоит вот этому лесовозу с бревнами затормозить, и «Крайслер» в него встрянет. Юлька приготовилась обгонять лесовоз, и Ксения вцепилась в подлокотники руками, в сиденье – задницей, на всякий случай зажмурилась, хотя левая полоса была свободной.

– Выдыхай, бобер. – Юлька симитировала механический голос навигатора. – Обгон завершен. Так что там с хачиками?

– Деревня называлась Лесные Хачики, а вот... Смотри! Смотри на указатель! Обалдеть – Полевые Хачики. Налево нам не надо. Интересно, это как-то переводится?

– Ааа...

Да, тупит Юлька знатно, надо контролировать каждое ее движение.

– Бензина у нас сколько?

– Полбака.

– Точно? Датчик не врет? А то знаю я...

– Четверть точно есть. Да ладно тебе! Тут везде заправки, успеем доехать, если загорится лампочка.

Ксения не доверяла Юлькиному пепелацу и подозревала, что в нем зародился искусственный интеллект, причем весьма недружественный человеку, от него можно было ожидать чего угодно и когда угодно.

– Ладно, похоже, ты права. Давай остановимся и подышим воздухом, – нарушила молчание Юлька, – только проедем Москакасы... Блин, везде вы, москвичи, отметились.

Припарковались на обочине возле жиденькой лесопосадки. Юлька вытащила сигареты из бардачка, набросила куртку и, прикрывая зажигалку рукой, закурила, стоя спиной к машине. Ветер перебирал мех на ее капюшоне и закручивал спиралью нитку дыма, быстро его рассеивая.

Затекшие ноги и поясница требовали сменить позу, и Ксения вышла из салона, даже не надевая пальто, потянулась, блаженно зажмурившись.

«Крайслер» пискнул, одновременно раздался щелчок. Пританцовывающая Юлька остолбенела, развернулась всем корпусом. Из раскрытого рта валил дым, в округлившись глазах было отчаянье.

– Фа-ак! – Слово она выдохнула вместе с остатками дыма, отбросила сигарету, дернула ручку дверцы и разразилась проклятиями. – Ты на фига его закрыла, а?! Чего тебе не сиделось?

– Что? Что случилось?!

Понимание приходило урывками, в мозгу поочередно вспыхивали слоги: «ЗА-ХЛОП-НУ-ЛА»...

Юлька заломила руки и завопила раненым медведем.

– Я думала, такое только у «Жигулей» бывает, – ответила Ксения, еще не до конца осознавая весь ужас своего положения. – Ты ж не предупредила...

– Ааааа! Не предупредила! Овца! Да, я – овца. Аааа! Теперь надо вызывать эвакуатор. Приехали! Отдохнули! Застряли возле Лесных Хачиков! Кому сказать – оборжуются.

Она села на корточки, прижавшись спиной к машине и запрокинув голову. Непослушными пальцами сломала сигарету, вытащила новую и долго не могла прикурить.

Порыв ветра, пронзивший до костей, четко дал им понять, что ехали они не на курорт, и если срочно что-то не сделать, то раздетая Ксения рискует простудиться. А обычный насморк у бортпроводника – это больничный на две недели, больничный – мало летных часов, соответственно, зарплата с гулькин нос; а если не взять больничный, то велика вероятность, что из-за перепадов давления насморк осложнится отитом или гайморитом.

Телефоны, сумочки, документы – подлый «Крайслер» все взял в заложники.

– Никуда с тобой больше не поеду, – бросила Ксения, развернулась навстречу потоку машин и подняла руку.

Пропыхтел лесовоз, не остановился. Мужик за рулем внедорожника сделал вид, что не заметил мерзнущую девушку на обочине. «Ланос» с московскими номерами тоже пронесся мимо. Немного отошедшая от шока Юлька бросила ему вслед:

– Москакаса! Лесной Хачик! – и добавила, вставая и тоже поднимая руку: – Неужели не видно, что мы не из этих? Что девушки в беде?

– Кому нужна твоя беда? – Ксения изобразила кривую улыбку, хотя зуб на зуб не попадал.

Место было будто заговоренное, водители здесь прибавляли скорость, а не останавливались помочь, хотя, по идее, спасти женщину-автолюбителя – самый простой способ почесать брюшко собственного мужского шовинизма.

Юлька молча сняла куртку и накинула на плечи Ксении.

– Будем греться по очереди. Интересно, если мы ляжем на дорогу и начнем умирать, тоже никто не остановится? Если это сработает, то я готова...

– Лучше подмени меня, а я посмотрю, вдруг что-то можно сделать самим.

То ли «Крайслер», который, будто строптивый конь, пытался сбросить женщину-наездниц, не до конца все рассчитал, то ли и правда безвыходных ситуаций не бывает – но Юлька не до конца закрыла окно с водительской стороны, оставила двухсантиметровую щель, и это давало надежду на положительный исход злоключения. Ксения засунула туда пальцы, надавила на стекло, но опустить его не смогла – машина решила не сдаваться без боя. Оставив попытки, она глянула в салон, на замки, закрывающие дверцы:

– Юль, посмотри, замки напоминают крючки, если вот сюда просунуть проволоку и дернуть, дверца откроется.

Юлька сгребла Ксению в объятия – аж ребра затрещали – и поцеловала в обе щеки:

– Гений! Ты просто гений. Осталось найти проволоку. Ты голосуй, а я побегу искать!

Пока Юлька исследовала замусоренную обочину, случилось чудо: черная «Тойота Лэнд Крузер» замигала поворотником, сбавила скорость и припарковалась возле «Крайслера». Медленно открылась дверца, и с Олимпа спустился избавитель – русоволосый мужчина средних лет с тонкими чертами лица и кошачьими глазами. Порыв ветра принес аромат дорогого парфюма. Ксения развела руками и кивнула на минивэн:

– Захлопнулся. У вас, случайно, не будет проволоки?

Мужчина вскинул бровь:

– Вы хотите сказать, что владеете навыками взломщика?

Безразличное лицо вытянулось, словно он увидел Копперфильда, почему бы не подогреть его интерес?

– Мне нужна длинная жесткая проволока.

– Уверены, что жесткая? – мужчина распахнул багажник.

– Да. Примерно такой длины. – Ксения показала, как рыбак показывает «вот такую рыбину».

На спасителя спикировала Юлька и тотчас была отправлена в салон «Тойоты» – греться и не мешать. Ксения получила кусок проволоки, загнула ее конец, сделав крючок, засунула в салон через щель в окне, наблюдая за отражением мужчины, со второго раза подцепила замок, дернула и открыла дверцу. Юлька вылетела из «Тойоты», схватила ключ минивэна и застолбила водительское сиденье.

– Надо же, – оценил мужчина. – Я не ожидал такого. Должен признать, что я впечатлен.

Ксения не заметила, как ее ледяная рука оказалась в плену его теплых ладоней.

– Меня зовут Денис. Оставьте свой телефон. Думаю, нам будет о чем поговорить за чашкой кофе.

Ксения нехотя освободилась и, представившись, протянула одну из своих визиток – ту, где она не мастер по эпиляции, а визажист.

– Вы, случайно, не знаете, как называют жителя Набережных Челнов? – спросила она удаляющегося Дениса.

– Без понятия, я тоже из столицы. – Он уселся за руль и, уже заведя машину, опустил стекло. – До встречи в Москве!

* * *

Весь первый день в Челнах Юлька воздавала должное салонам красоты, где цены значительно уступали московским, а Ксения ее сопровождала – без особого удовольствия, больше из солидарности и любопытства, ведь Юлька приготовила

сюрприз – «такой услуги ты в Москве не найдешь». И все, и никаких подробностей.

В «очень приличном салоне, тебе понравится» выяснилось, что это какая-то особенная эпиляция. От Юлькиной бестактности Ксения сперва оторопела – как расценивать ее поступок? Ты паршивый мастер, поучись вот? А потом махнула рукой: скорее всего, Юлька просто хотела поделиться прекрасным, а не обидеть ее.

– Это интереснее воска, – без уверенности говорила Юлька, поглядывая то на кислое лицо подруги, то на молоденькую бело-розовую девочку-администратора, лучащуюся дружелюбием.

– Фаридка – лучший мастер в городе! – тоненьким голоском прошептала она, и Ксения направилась в кабинет.

В конце концов, Набережные Челны – не такой уж маленький город, мастера должны хоть что-то уметь. Наверное. Опять-таки, мусульманские женщины всегда знали толк в истреблении растительности на теле.

Бывает, люди не запоминаются целиком, всплывает в памяти деталь – плечи, глаза, иногда и вовсе – изгиб шеи или черные кольца волос на затылке – и больше ничего не вспомнить... Кто-то стирается из памяти полностью, остается пустота в обертке имени. Если говорить об этой женщине-мастере, то она – улыбка. Домашняя, как пирожки, теплая, как августовское море, где купаешься, растворяя сомнения и горести.

– Здравствуй, моя красавица! – проговорила она с едва уловимым воркующим акцентом. – Проходи, не стесняйся. Меня зовут Фаридка. – Она надела шапочку, перчатки; над кушеткой запорхали руки, расстилающие одноразовую простыню. – Не стесняемся, раздеваемся. Глубокое бикини, да?

Тут же прокралась мысль о бегстве. К новым людям Ксения всегда относилась с осторожностью, к мастерам – тем более, ведь доверять придется место чувствительное и пикантное.

– Извините, а какой фирмы воском вы работаете? – поинтересовалась Ксения. По бренду материала можно было косвенно судить о профессионализме мастера.

Если он работает с каким-нибудь дешевым материалом, то лучше попроситься в туалет и убежать.

- Это называется «сахарный воск», я варю его сама по секретному рецепту.

Сама? Варю?!

О боги! Представилось, как Фарида в засаленном халате застыла над газовой плитой, пытаюсь выловить муху из чана с булькающим варевом. И что теперь? Бежать? Поздно. Воображение прокрутило кадры из фильма ужасов, где мастер-маньяк лишает доверчивых клиентов волос вместе с кожей. Да что там мелочиться! Лишает интимных мест целиком.

Стоп! Плохой мастер не работал бы в салоне, его никогда не посоветовала бы Юлька.

Ксения приготовилась, легла на спину и приподняла голову, чтобы видеть процесс – на случай, вдруг мастер начнет косячить, и все же придется бежать.

- Первый раз, наверное? – проворковала Фарида, обработала кожу Ксении гелем и присыпала тальком. – Так напряжена! Не бойся. Процедура, согласна, неприятная, но переносимая.

«Если будет невозможно терпеть, уйду, – подумала Ксения, приняв позу лягушки на вскрытии, – главное, чтоб не перегрела этот свой сахарный воск». Будучи обладательницей чувствительной кожи, Ксения тяжело переносила восковую эпиляцию. И стоило мастеру хоть чуть-чуть перегреть воск, на теле Ксении появлялись красные пятна, которые потом рассасывались два-три дня.

Вопреки ожиданиям, воск оказался приятной температуры... Р-раз! Боль, конечно, была, но вполне переносимая, вроде даже слабее, чем обычно. Удостоверившись, что Фарида не косячит, Ксения наконец успокоилась.

- Это не обычный воск, он ведет себя по-другому, – резюмировала Ксения, переворачиваясь на живот. – Что это?

- Это даже не воск, а расплавленный сахар, моя красавица. Процедура называется шугарингом.

- Я раньше о таком не слышала.

- Ну и как? - Фарида ни на минуту не отрывалась от работы.

- Ваша методика м... - Ксения подавилась словом, уж с очень чувствительным местом работала Фарида. - Хотела сказать «мягче»... Все-таки да, мягче, чем обычная восковая эпиляция.

В тот момент, когда Ксения отключила внутреннего контролера и вверила себя заботливым рукам Фарида, неожиданно прозвучали ее слова:

- Все, моя хорошая, процедура окончена. Два часа нельзя посещать баню, сауну, солярий. Нужно избегать солнца и... мужчин.

- Солнца в октябре мало, - улыбнулась Ксения. - Спасибо.

Ксения села, проверила работу и поразились увлажненной коже, нежной, как атлас. Не было ни чувства жжения и стянутости, обычных после восковой эпиляции, ни покраснения и раздражения. Очень интересно, что это за расплавленный сахар по секретному рецепту... Как там Фарида назвала свою процедуру? Шугаринг... Надо будет почитать в интернете.

Юлька уже закончила и ждала ее, оттопырила большой палец, демонстрируя блестящий ноготок, напоминающий лепесток, украшенный каплями-стразами:

- Как тебе?

- Оригинально, - оценила Ксения.

- Я, вообще-то, про шугаринг.

- Интересная процедура. Надо будет посмотреть, как волосы будут отрастать.

Возвращаясь в Москву, Ксения поймала себя на том, что домой ей категорически не хочется.

Радовало одно – она летит самолетом, а не трясется в Юлькином «Крайслере».

* * *

Пасмурное московское небо напоминало стеганое одеяло, лежащее на крышах высоток. Укрыться им, закутаться в него способен лишь тот, кто, соскучившись по дому, вернулся; приезжие всегда в нем видят другое.

Ксения летела без багажа и поэтому сразу направилась к выходу из аэропорта, на ходу включая телефон – он трижды пискнул, и не успела она прочесть сообщения, как он чуть не вырвался из рук, вибрируя и голося. На экране отображался незнакомый номер. Наверное, кто-то из девочек хочет записаться на эпиляцию.

– Алло, – выдохнула она, выдавливая из себя усталую улыбку. Когда-то, работая на своей первой работе секретарем на ресепшн, Ксения научилась улыбаться при каждом звонке телефона, зная, что собеседник каким-то магическим образом почувствует эту улыбку.

– Привет. Это Денис. Проволока. Трасса «Волга». Ты сейчас где?

Через час они болтали без умолку, отгороженные от шумной улицы черным стеклом кафе, словно были сто лет знакомы. Есть люди, которые слушают те же песни, читают те же книги, ходят в те же рестораны, но между ними прозрачная непробиваемая стена. Встречаясь, вы связываете своего внутреннего ребенка по рукам и ногам, затыкаете ему рот, чтоб случайно не проскользнула глупость, садитесь друг напротив друга, держите осанку, улыбаетесь всегда к месту и ведете рафинированные беседы.

А бывает вот так – ничего общего: ни музыки, ни книг, ни фильмов, но словно в одной стае бегали, слова льются, льются ручейком, и так легко, что век бы не расставаться.

От Дениса Ксения получила подтверждение собственному убеждению, что брак – «унылая штука», узнала о вялотекущем разводе (не факт, что правда, они все так говорят). Впрочем, о себе он мало распространялся, поддерживал разговоры на отстраненные темы.

Ксения же предпочитала рассказывать все как есть: о двух высших образованиях, о карьере в сфере управления персоналом, о своих двух «странных» нынешних работах. О раннем замужестве, о котором пожалела уже через год. Она давно выбрала такую тактику при знакомстве с мужчинами – сразу рассказывать и о работе, которой много, и о муже, с которым, несмотря на отсутствие безумной любви, разводиться пока не планировала. Ей не нужны были страстные романы, которые заставляют делать глупости и рушат прежнюю жизнь, не оставляя камня на камне. Если мужчина готов был принять ее со всем ее багажом, то у отношений есть шанс, а если нет, то к чему терять время.

Разошлись в начале восьмого, за это время муж так и не позвонил. «А зачем? Если будет нужно, ты ж сама меня наберешь».

Эта короткая встреча оставила Ксению в приподнятом настроении. Денис оказался приятным собеседником, и Ксения, закрывая глаза, видела перед собой его улыбающееся лицо, слышала бархатный голос: «Созвонимся на днях». Ксения поймала себя на том, что впервые со студенческих времен беспокоится, позвонит ей мужчина или нет. У Дениса были хорошие манеры, красивые руки и приятный парфюм. Все это заставляло ее сердце биться чаще и давало волю фантазиям. Ксения спустилась с небес на землю от звука хлопнувшей двери, возвестившего, что она вернулась в затхлое домашнее болото.

– Ты уже? – проговорил из зала Сергей, даже не выйдя ее встречать.

Возможно, у него переговоры по скайпу с заказчиками, но скорее он просто не счел нужным проявить внимание. Раньше Ксения переживала из-за этого, ведь в ее семье было принято выходить встречать друг друга в коридор. Потом ей стало все равно. Сейчас она поймала себя на том, что даже рада, что не нужно смотреть в глаза, улыбаться, делать вид, что рада встрече. Хотелось только одного – в душ и спать, ведь завтра ранний рейс. Стоило сомкнуть веки, и вспоминались глаза Дениса – цвета августовского леса, зеленые с оранжевыми точками. Слишком уж часто он приходит на ум, это неправильно!

Нужно подумать о чем-нибудь другом, например, о шугаринге. Юлька была права, это что-то новое и перспективное: процедура не такая болезненная, как эпиляция воском, кожа не то что менее раздраженная – она лучше, чем до! И если визажист нужен женщине два раза в жизни: на первую свадьбу и вторую свадьбу, то эпиляция – процедура ежемесячная, клиент будет приходить двенадцать раз в году.

Восковой эпиляции в Москве полно, ее делают почти в каждом салоне красоты, много и домашних мастеров, а вот о шугаринге Ксения раньше не слышала. Не может быть, что в Москве никто ничего о шугаринге не знает. Сон как рукой сняло. Заварив кофе, Ксения открыла ноутбук и ввела в поисковик: «Курсы шугаринга. Москва».

Предложений оказалось не так уж много. Самые дешевые курсы Ксения сразу же отмела, потому что толковый специалист всегда ценит свой труд. Двадцать тысяч за двухдневные курсы – слишком дорого. И Ксения выбрала среднее по цене, решила не тянуть кота за хвост и позвонила, хотя было почти десять вечера.

На том конце провода довольно приятным бодрым голосом ответили, что свободное место на курсах есть, курсы будут через две недели, но если очень надо, то за небольшую доплату преподаватель может научить индивидуально. Договорились на послезавтра.

Ксения так рвалась в бой, что ни администратор, отвечающий на звонки в десять вечера, ни возможность индивидуального обучения с такой маленькой доплатой не показались ей странной. Вдохновение отогнало сон, и Ксения решила, раз уж оказалась за компьютером, поработать с рекламой. Чтобы привлечь клиентов, она создала странички в Живом Журнале, ЛивИнтернете, Одноклассниках и ВКонтакте. На раскрутку она выделяла около часа ежедневно, писала два поста – один утром, второй вечером, в отличие от многих других мастеров ее посты не сводились к «Приходите на эпиляцию», «Стыдно быть колючкой», «Весна наступила, пора удалить волосы на ногах». Ксения выбрала тактику общения с клиентами, ответов на их вопросы, в своих постах она подробно расписывала, как именно проходит процедура, что она делает для уменьшения болезненности, рассказывала, в каких техниках работает, для чего нужны те или иные материалы. На посты слетались не только клиенты, но и коллеги-конкуренты.

Чего бы им написать эдакого? Ксения решила осветить тему, которая волнует многих:

Бывает ли быстро, качественно и недорого?

Помните это высказывание: «Наша фирма обслужит вас: быстро, качественно, дешево. Выберите любые два пункта»? Если быстро и качественно, то дорого. Если качественно и недорого, то долго. Почему так? Потому что мастер, который умеет работать быстро и качественно, слишком себя ценит, чтобы работать по низкой цене.

Зачем ему это?

Представьте, что вы – мастер. Вы окончили курсы и решили довести умение до совершенства, посещаете семинары, мастер-классы, которые не бесплатны, покупаете профессиональные средства ухода. Вы вкладываете в себя, чтобы развиваться и радовать клиентов. Станете ли вы работать по низкой цене? Нет. Хорошие мастера всегда в дефиците, они ценят свой труд и опыт, а эпиляция – процедура длительная и трудозатратная.

У каждой услуги есть себестоимость. Снижая цену, мастер вынужден экономить на материалах, от чего страдает качество.

Если вы выбрали мастера, работающего по низкой цене, задумайтесь: а что с ним не так? Что мешает ему поставить адекватную цену?

Здесь могут быть три варианта:

- Это мастер-новичок, который еще не наработал достаточно опыта, чтобы справиться, например, с жесткими волосами или чувствительной кожей, или не может точно рассчитать температуру разогрева воска.
- Это мастер, работающий на потоке, который будет отчитывать вас за малейшее опоздание и не сможет уделить вам дополнительное время, если особенности вашей кожи и волос того потребуют.

- Это мастер, который экономит на материалах, не проводит гигиеническую обработку кабинета и инструментов.

Чем вы готовы жертвовать ради низкой цены?

- Безопасностью?
- Качеством?
- Своим комфортом?
- Временем, затраченным на процедуру?

Да и стоит ли чем-то жертвовать, если речь идет о вашей красоте и здоровье?

Помните, что если вы будете экономить на мастере, то и мастер будет экономить на вас. Оно вам надо?

- В своей работе я использую только качественную косметику из Италии, одноразовые простыни и перчатки. Это гарантирует вам не только качество процедуры, но и ее безопасность.
- Я закладываю достаточно времени на каждую процедуру, вы можете быть уверены, что работа будет выполнена качественно и в полном объеме, независимо от ее сложности.
- Я регулярно повышаю свою квалификацию, изучаю новые методики и техники. Так, уже послезавтра для моих клиентов будет доступна новая услуга – шугаринг, сахарная эпиляция.

Хотите записаться на процедуру? Появились вопросы? Не откладывая, звоните мне или пишите личные сообщения

Запись на странице Ксении VK от 17 февраля 2009 года

* * *

Отправляясь на курсы, Ксения рассчитывала очутиться в учебном центре или салоне красоты, но по указанному адресу обнаружила обычную жилую пятиэтажку. Это что еще такое? Неправильно записала адрес? Она еще раз позвонила то ли администратору, то ли преподавателю, и та назвала номер квартиры.

Сюрприз! Шарашкина контора!

Но отступить поздно, и Ксения решила для начала посмотреть, что почем, раз уж приехала.

Ее уже ждали, дверь в квартиру была приоткрыта. На вздох разъехавшихся створок лифта выплыла... Она. Силиконовая женщина. Есть такая порода женщин, в которых все чересчур: чересчур большая грудь, чересчур длинные волосы, крашенные в самый светлый блонд, который только можно вообразить. Чересчур длинные и пышные ресницы, чересчур пухлые губы, чересчур четко очерченные брови. В стремлении превратить себя в тех, кем они не являются, такие женщины начисто лишают себя индивидуальности, превращаясь в лучшем случае в безликих Барби, а в худшем – в отечных губасто-скуластых бабищ. Здесь был худший случай.

Неужели она не замечает катастрофы?

– Привет, меня зовут Алина. Пойдем.

Наверняка именно эта квартира вдохновила Сурганову написать песню, в которой «кошки рожают, дети орут»: мебель совдеповская, захламленная статуэтками, чашками, вазами; на полу столько пыли, что там, где часто ходят, вытоптаны дорожки. Казалось, в комнате монголо-татары сражались с торнадо,

и вещи разметало, как раненых бойцов. Вот перекошенное платье на спинке стула, на диване распластались джинсы и скомканная футболка, какие-то вещи валялись прямо на полу.

- Обучение стоит, как и договаривались, четыре тысячи. Плюс тысячу за то, что индивидуально. Деньги у тебя с собой?

Ксения протянула силиконовой женщине деньги.

- Кассовый чек тебе нужен, нет? Нет? Ну и хорошо. Проходи в кабинет, - Алина открыла дверь и поманила за собой.

Кабинет она сделала в маленькой спальне трехкомнатной квартиры. У окна стояла кушетка, а вместо рабочего стола или тумбы на колесиках - табурет и обычная настольная лампа из тех, что бедные родители покупают детям-школьникам. На втором табурете - пластиковый поднос, а на подносе - банка из-под какого-то крема, грязный шпатель в лужице чего-то, смятая салфетка.

Господи, она что, людей в этом свинарнике принимает? Ксения всегда поражалась таким людям. Они действительно не видят грязь вокруг себя? Любая уважающая себя женщина, попав однажды к такому мастеру, побоится прийти снова. Ксения давно заметила, что клиенты подбираются под мастера, получается, что женщин-свиношек немало, раз Алина так на ком-то набила руку, что вызвалась преподавать.

- Садись на кушетку, я принесу стул. Тебе как удобнее теорию? На диктофон запишешь или по старинке ручкой?

Не дожидаясь ответа, она убежала, вернулась с табуреткой, села и на всякий случай протянула лист формата А4, ручку и глянцевый журнал, на котором писать. Ксения чувствовала себя идиоткой - не так она представляла себе индивидуальные экспресс-курсы.

- Ну, значит, так. Пиши. Когда шугаринг делать нельзя...

- Предположу, что противопоказания те же, что и при эпиляции воском. Я училась на курсах, - не выдержала Ксения.

Если Алина психанет, тем лучше. Но она, наоборот, обрадовалась:

– Круто! Тогда не будем тратить время на фигню, перейдем сразу к практике. – Она скосила глаза на часы на стене. – Вот-вот должна прийти модель. Чего бы тебе пока рассказать? Ммм... Ага! Смотри, чем приколен шугаринг. Он дороже воска, это раз. – Она принялась загибать пальцы. – Только входит в моду, это два. Есть спрос, а предложений мало. Имеется и печаль – паста очень дорогая. В крутых салонах делают шугаринг венгерской, а стоит она сто евро за банку. Сама понимаешь, что если работать такой пастой на дому, разоришься на фиг. Но покупают, прикинь, – куда деваться-то? На самом деле деваться есть куда: пасту можно варить, но не все умеют. Я вот умею. Надо будет, и тебе сварю, всего тысяча рублей за банку. Согласись, это лучше, чем сто евро! И от той, за сто евро которая, вообще не отличишь, я покупала, сравнивала, у моей только цвет чуть-чуть другой. А так она даже лучше... Где ж моя модель? – Алина заерзала на табурете. – Что-то совсем запаздывает. Позвоню-ка ей.

Алина отвернулась от Ксении, будто бы та растворилась, и с сосредоточенным видом слушала протяжные гудки.

Тот самый случай, когда другой человек позорится, а краснеешь ты.

– Не берет трубку. – Алина вернулась в исходное положение на табурете – верхом. – Неудобно-то как... Ну да ладно, ты и так все знаешь. Как в ваксинге, помнишь? В шугаринге все точно так же!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Генетически обусловленная реакция, возникающая у некоторых людей в ответ на определенные неспецифические (в отличие от аллергии) раздражители.

Купить: https://tellnovel.com/ru/pigaleva_ekaterina/devochki-delayut-biznes-ili-kak-otkryt-svoe-delo-i-nachat-zarabatyvat

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)